

СЕРГЕЙ ТИМИН

Раз в семь лет город отдаёт невесту.

НЕВЕСТА МАНЬЯКА

Сергей Тимин

Невеста маньяка

<https://litres.ru/74506514>

SelfPub; 2026

Аннотация

Каждые семь лет, в сентябрьскую ночь, городок Чёрные Ключи отдаёт оврагу одну невесту - так в народе говорят о маньяке, которого боятся уже тридцать лет. Два года назад в туман ушла и младшая сестра Алисы Верес, Мария. Когда Алисе приходит посылка с бабушкиной брошью, она едет в город, которого нет на картах. Ей предстоит узнать, что случилось в девяносто шестом, встретиться с тем, кого город до сих пор зовёт Женихом, и понять: настоящий ужас - не маньяк. Настоящий ужас - те, кто приводит невест. Мистический роман о любви, который сильнее тумана.

Содержание

ГЛАВА 1. ПОСЫЛКА	4
ГЛАВА 2. ДОРОГА	9
ГЛАВА 3. КАПИТОЛИНА	14
ГЛАВА 4. МЕЛОДИЯ	19
ГЛАВА 5. РОДИНКА	24
ГЛАВА 6. ТУМАН ЗНАЕТ ИМЯ	29
Конец ознакомительного фрагмента.	33

Сергей Тимин

Невеста маньяка

ГЛАВА 1. ПОСЫЛКА

Посылка пришла в понедельник, и это уже было странно, потому что мне давно никто ничего не присылал, кроме банковских писем и квитанций за свет. Я расписалась, поблагодарила курьера - молодого парня с прыщом на подбородке и бейджем «Тимур» - и осталась стоять в дверях с коробкой в руках, слушая, как он топает вниз по лестнице, перепрыгивая через две ступеньки.

Коробка была обыкновенная, обувная, обмотанная скотчем так густо, будто внутри лежало что-то очень хрупкое или очень ценное. На скотче маркером, кривыми буквами: «Алисе Верес, лично в руки».

Я узнала почерк. Точнее, узнала то, как буква «ш» заваливается набок, будто устала держать спину. Так писала только Машка.

Два года назад моя младшая сестра Мария Верес вышла из съёмной квартиры в Подольске, чтобы купить молока, и больше её никто не видел. Ни живьём, ни на камерах, ни в моргах. Молоко, между прочим, так и не купила - это я потом выяснила, ходила в магазин у её дома, спрашивала. Про-

давщица с татуированной бабочкой на запястье вспомнила: «Приходила девушка, сероглазая такая, трогала пакет, потом телефон ей кто-то позвонил, она и ушла».

Телефон. Телефон нашли через три дня в урне у метро. Разряженный. Выключенный. Машка никогда не выключала телефон - у неё на заставке стоял таймер обратного отсчёта до отпуска, и она боялась пропустить будильник.

Два года я жила с этой дырой внутри. Следовательно Толмачёв, грузный мужчина с усами, как у моржа, говорил мне «держитесь» и «делаем всё возможное», пока наконец не сказал то, что говорят всем: «Скорее всего, ваша сестра уехала по собственной воле. Случается». Я не верила. Но и доказательств обратного у меня не было - пока не пришла коробка.

Я поставила её на кухонный стол и минут десять просто смотрела. На кухне гудел холодильник, за окном кто-то сверлил стену, и этот звук обычно сводил меня с ума, а тут я его даже не замечала.

Потом взяла нож.

Внутри, в гнёздышке из газет - «Провинциальный вестник», районка, таких в киосках уже лет пять не продают, - лежали две вещи. Бабушкина брошь: серебряная стрекоза с зелёным стеклом вместо брюшка, та самая, которую мама прятала в шкатулку и доставала только на Пасху. И сложенный вчетверо тетрадный листок в клеточку.

Брошь пахла нафталином и чем-то ещё - сыростью, что

ли. Подвальной сыростью.

Я развернула листок.

«Алиса, не ищи меня. Здесь так надо. Я не могу иначе, ты не поймёшь, пока не увидишь сама. Мама бы поняла. Прости. М.»

И ниже, другой ручкой, будто дописала позже:

«Не приезжай. Но если приедешь - не слушай скрипку по ночам».

Я перечитала записку четыре раза. Потом ещё раз, вслух, как будто голосом можно было выжать из букв что-то, чего не давали глаза. Мама бы поняла. Мама умерла пять лет назад, от инсульта, на моих руках, и при чём тут мама?

Скрипку я перевернула последней мыслью, как блин на сковородке, и чуть не рассмеялась. Какая скрипка. Машка с девяти лет не слушала ничего, кроме электронного бита, и то сказать - скрипку она терпеть не могла с детства, затыкала уши, когда у соседки сверху кто-то занимался гаммами.

И тут я увидела штемпель.

Он стоял на обёрточной бумаге, которую я сначала не заметила, - круглый, фиолетовый, расплывшийся от влаги. «ЧЁРНЫЕ КЛЮЧИ. 21.09». Вчерашняя дата.

Чёрные Ключи. Я запомнила это название сразу и навсегда, как запоминают диагноз. Потому что Подольск, где Машка исчезла, и Чёрные Ключи - это разные концы не то что страны, а всей моей жизни: в Подольске она снимала квартиру и работала бухгалтером, а Чёрные Ключи я даже

на карте не смогла найти с первого раза - городишко в четырёх улицах, зажатый между лесом и старицей реки, четыреста километров от всего на свете.

Машка там никогда не была. Я бы знала. Я вообще-то знала о ней всё - так мне казалось.

Я сидела на кухне до темноты. Холодильник гудел. Сверлить за стеной перестали, и стало слышно, как во дворе кто-то разучивает на гитаре «Кукушку» Цоя - два аккорда, третий никак.

В десять вечера я открыла ноутбук и нашла расписание автобусов. Прямого рейса до Чёрных Ключей не было. Был автобус до райцентра, а оттуда, по словам женщины из справочной, «три раза в неделю ходит пазик, если дорогу не размыло».

Билет я купила на шесть утра.

Потом достала с антресолей старый мамин чемодан с отваливающимся колёсиком и начала собираться. Брошь я завернула в мягкое и положила в карман куртки, ближе к сердцу - так, кажется, говорят в таких случаях. Говорят. Теперь знаю.

Записку я сунула в паспорт.

Перед сном - не спалось, но я честно лежала часа два - я снова достала записку и перечитала. «Не слушай скрипку по ночам». Восемь слов, а под ними - четыре года разницы между нами, мамина смерть, пустая квартира в Подольске и две коробки вещей, которые я так и не разобрала.

Машка всегда была младшей. Всегда за мной: за руку в садик, за мной в школу, за мной в один университет, правда на другой факультет. А тут написала взрослым, чужим почерком: «здесь так надо».

Кто это - «здесь»? И что именно «надо»?

Я не знала ответов. Но я знала, где искать вопросы. В Чёрных Ключах, откуда позавчера ушла эта коробка, пахнувшая подвалом и нафталином.

Если ты жива, Машка, я тебя найду. А если нет - я найду того, кто это с тобой сделал. Примерно так я тогда думала. Наивная. Городок этот, как выяснилось, очень не любит, когда его ищут.

И ещё он не любит, когда ему задают вопросы.

ГЛАВА 2. ДОРОГА

Автобус на райцентр был старый, «ютон» с дерматиновыми сиденьями и запахом солярки пополам с чьим-то завтраком. Я села у окна, прижала чемодан к ногам и до самого отправления ждала, что кто-нибудь меня остановит: начальник, совесть, кто угодно. Никто не остановил. На работе я взяла неделю за свой счёт. Редактор нашей сетевой газетёнки «Городской пульс», Вадик, зевнул в трубку и сказал: «Окей, Верес, только с колонкой про ЖКХ разберись до отпуска». Вот и все проводы.

За окном поплыл мокрый сентябрь. Леса по обочинам стояли в рыжине, как в дешёвой фотосессии осени, и небо над ними было низкое, серое, цвета той самой бабушкиной броши, если прищуриться.

Я читала всё, что нашла про Чёрные Ключи. Нашлось немного. Первое упоминание - 1738 год, «деревня при чёрных ключах», то есть при родниках с тёмной водой, каких в тех краях полно: торфяники, железо, вот вода и кажется чёрной. В 1952-м построили ГЭС на старице, деревня стала посёлком энергетиков. В 1979-м посёлок получил статус города, построили ДК «Гидростроитель» и завод железобетонных изделий. В 1998-м завод встал. В 2004-м остановили ГЭС - «по техническим причинам». С тех пор новостей не было вообще. Ни одной. Будто кто-то аккуратно вычеркнул

город из ленты времени.

Население - 3100 человек. Это по переписи двадцатилетней давности. Сейчас, наверное, меньше.

Соседка по автобусу, женщина в пуховом платке, всю дорогу ела варёные яйца и читала женский роман в мягкой обложке. На третьем часу пути она оторвалась от книги, посмотрела на меня и спросила:

- Куда едем?

- В Чёрные Ключи, - сказала я.

Она перестала жевать. Проглотила. Облизнула пальцы от соли.

- В Ключи? - переспросила она так, будто я сказала «в морг». - А зачем вам в Ключи?

- К родственникам, - соврала я. Врать я научилась за два года поисков: всем нужно врать, чтобы не жалели.

- К родственникам, - повторила она задумчиво и почему-то посмотрела в окно. - Ну-ну. Родственники там у всех, кто приезжает.

Я хотела спросить, что она имеет в виду, но она уже уткнулась обратно в свой роман, и разговор закончился, как заканчиваются разговоры в дороге: без прощания.

Пересадка в райцентре вышла скомканной. Автовокзал там был - стекляшка с разбитыми часами, и женщина в окошке справочной, узнав, куда мне, сначала долго листала какую-то амбарную книгу, а потом сказала:

- Пазик ушёл час назад. Следующий завтра, если Колян

не запьёт.

- А такси?

- Такси, - она усмехнулась, - у нас одно, и то по грибы. До Ключей вас только дед Витя повезёт, он как раз почту туда возит по средам. Третьи сутки пошёл вторник? Значит, завтра. Или идите к нему сами, он у гаражей ночует.

Дед Витя оказался мужиком лет шестидесяти в телогрейке и кепке «Агрокомплекс», с лицом цвета крепко заваренного чая. Он выслушал меня, посмотрел на чемодан, потом снова на меня, и сказал:

- Две тыщи.

- Это же сорок километров.

- Пятьдесят два. И дорога там, - он махнул рукой куда-то мне за плечо, - сама себе хозяйка. Две тыщи, барышня. Дешевле только пешком, но пешком не советую. Осень.

Слово «осень» он произнёс с такой интонацией, с какой другие люди говорят «здесь курят».

Ехали мы на «буханке», которая ревела, как самолёт на взлёте. Дед Витя всю дорогу молчал, крутил баранку жилистыми руками, а когда мы свернули с трассы на просёлок, спросил вдруг, не оборачиваясь:

- К кому в Ключах?

- К сестре, - сказала я. Ложь у меня была уже готова, как патрон в патроннике. - Она там с мужем живёт, дом снимает.

Дед Витя хмыкнул.

- У нас не снимают. У нас наследуют.

Я не поняла, что он хотел сказать, и переспросила. Он не ответил. Только прибавил громкость на магнитоле - там пел Хворостовский, «Подмосковные вечера», и от этого сделалось вдруг так тоскливо, хоть вой: голос красивый, круглый, а дорога тряслась, и голос дробился, и слова «слышится и не слышится» звучали как издевательство.

Городок вырос из-за леса неожиданно, как прыщ. Сначала показалась ГЭС - серая коробка плотины поперёк старицы, мёртвая, с ржавыми затворами, похожими на тюремные ворота. Потом - трубы завода, потом сам город: одна длинная улица Ленина, поперёк неё улица Заречная, и всё, и тишина. Дома стояли крепкие, многие с резными наличниками, но половина окон была заколочена фанерой, и фанера эта была свежая, светлая, будто заколачивали недавно и всерьёз.

Витя притормозил у покосившегося знака «ЧЁРНЫЕ КЛЮЧИ».

- Дальше сама, - сказал он. - Мне к почте.

Я вытащила чемодан. Ветер сразу потянул его за ручку, как поводок.

- Скажите, а тут люди пропадают? - спросила я, сама не зная зачем. Спросила и пожалела.

Дед Витя посмотрел на меня очень внимательно, почти с жалостью.

- Не пропадают, - сказал он. - Уходят. Это разные вещи. Прощайте, барышня. И уезжайте, пока пазик не ушёл. Завтра с утра он как раз обратно.

Он уехал. Буханка скрылась за поворотом, и я осталась одна посреди улицы Ленина, с чемоданом, у которого отвалилось второе колёсико, пока мы тряслись по просёлку.

Стемнело. Из оврага на краю города, чёрного, глубокого, как разрез, потянуло холодом и чем-то сладковатым - прелыми листьями, что ли, или стоячей водой. Туман поднимался из него неспешно, по-хозяйски, и ложился на дорогу, как кошка на тёплое место.

Я поволокла чемодан к единственному светящемуся окну на площади - там висела вывеска «ГОСТИНИЦА и КАФЕ ТРИ ПЕСКАРЯ».

За спиной, в темноте оврага, что-то тихо скрипнуло. Я обернулась. Никого.

А потом, уже совсем тихо, будто кто-то провёл смычком по одной струне - одна нота. Длинная, тоскливая, с подвывом. И оборвалась.

Я очень быстро пошла к свету.

ГЛАВА 3. КАПИТОЛИНА

Гостиница «Три пескаря» оказалась двухэтажным домом с мезонином, в котором когда-то, наверное, жил городской, а теперь жила одна-единственная постоялица - я. Администраторша, толстая женщина с крашеными хной волосами, потребовала паспорт, записала что-то в гроссбух и сказала:

- Тысяча двести в сутки. Завтрак включён, ужин по желанию. В десять вечера свет по всему городу гаснет, не пугайтесь.

- А почему гаснет?

- Генератор бережём, - ответила она и добавила, чуть помолчав: - А вы надолго к нам?

- Как получится, - сказала я. - Я к сестре.

Женщина подняла на меня глаза. В них что-то мелькнуло - не интерес, нет. Скорее, как у врача, которому назвали знакомый диагноз.

- К сестре, - повторила она. - Как интересно. А фамилия ваша Верес, я записала. Не та ли вы, что Мария?

Я почувствовала, как холодеют пальцы.

- Вы знаете мою сестру?

- Знаю, что была такая Мария Верес, - сказала она ровно. - Приезжала, жила. Потом ушла. У нас тут многие уходят, не переживайте. Комната на втором этаже, вторая слева. Воду не экономьте, она у нас из ключей, бесплатная.

Вот так, без запятой: ушла, не переживайте, вода из ключей. Я хотела схватить её за рукав и трясти, пока не расскажет всё: где жила Машка, с кем, куда ушла. Но она уже отвернулась к телевизору, где шёл какой-то сериал про больницу, и разговор, как и все разговоры в этом городе, закрылся сам собой, как форточка на сквозняке.

Комната была чистая и пахла мылом и старым деревом. Я не стала разбирать чемодан - только сунула его под кровать. Села на табуретку у окна. Окно выходило на площадь, на тёмную стену ДК «Гидростроитель» с заколоченными окнами и на тот самый овраг, из которого тянуло сладковатой сыростью.

В темноте, в одном из окон ДК, мне показалось движение. Будто свечу зажгли и тут же погасили. Или не свечу. Или не погасили.

Я моргнула - и ничего уже не было. Просто фанера, просто ночь.

Утром я спустилась завтракать. В кафе, кроме меня, сидели трое мужиков в спецовках и пили чай из стаканов с подстаканниками - настоящими, мельхиоровыми, как в поезде. За стойкой хлопотала другая женщина, сухая, маленькая, лет семидесяти, в платке, повязанном по-деревенски, под подбородком. Увидев меня, она отставила чайник и вышла из-за стойки.

- Ты та, что вчера приехала, - сказала она. Не вопрос - утверждение. - Верес. Садись, я тебе сама принесу. Меня Ка-

питолина Марковна зовут, для тебя просто Капитолина.

Она принесла мне яичницу из трёх яиц, гречневую кашу и чай с чабрецом, и села напротив, подперев подбородок кулачком. Смотрела она на меня так, как смотрят на фотографию, сравнивая с оригиналом.

- На мать похожа, - сказала она наконец. - Глаза её. И подбородок её. Ты, часом, не Вериных будешь? Вера Верес твоя мать?

Я перестала жевать.

- Откуда вы знаете мою маму?

Капитолина Марковна молчала долго. За окном проехала телега - настоящая телега, с лошадью, и я подумала, что время тут не просто остановилось, а повернуло обратно.

- Знала, - сказала Капитолина. - Девчонкой знала. Она тут выросла, на Заречной. А потом уехала. В восемьдесят девятом. Собрала вещи за один день и уехала, даже не попрощалась. Правильно сделала, что уехала, - добавила она тише. - Умная была девочка.

- И почему уехала? Что тут случилось?

Капитолина посмотрела мне в глаза. В её собственных было что-то вроде усталого уважения.

- А ты, значит, не за тем приехала, за чем все приезжают, - сказала она. - Ты, значит, искать приехала.

- Я ищу сестру. Машу. Она была тут два года назад.

- Была, - согласилась Капитолина. - Жила у меня, наверно. Хорошая девочка, тихая. Всё про речку спрашивала, про

ГЭС, про овраг. А потом... - она осеклась, пожевала губами.

- Потом, как все.

- Что - как все?!

- Тихо, - сказала Капитолина, и голос её вдруг стал твёрдым, как костыль. - Не кричи. У стен тоже есть уши, а у нашего города - память. Слушай меня, девочка. Ты сейчас встанешь, пойдёшь на автовокзал и уедешь первым пазиком. Так будет лучше для всех.

- Я никуда не уеду без сестры.

- Сестры твоей тут нет, - сказала Капитолина очень мягко.

- Сестра твоя ушла.

- Куда ушла? В овраг? Что там, в овраге?!

Она встала. Собрала мою недоеденную яичницу, подлила чаю. Руки у неё не дрожали, но как-то посерели, как будто кровь отхлынула.

- После поговорим, - сказала она. - Когда стемнеет, придёшь ко мне. Комната моя при кухне, за дверью с колокольчиком. А до вечера - сиди в номере и ни к оврагу, ни к ДК не ходи. И брошь свою, - она кивнула на мой карман, где оттопыривалась завёрнутая в платок стрекоза, - не свети.

- Откуда вы знаете про брошь? - спросила я шёпотом.

Капитолина уже уходила. Обернулась у самой двери.

- Брошь эту я узнаю из тысячи, - сказала она. - Она моей была. Я её Вере подарила на выпускной. В восемьдесят девятом. А теперь она у тебя в кармане, и это очень плохо, девочка. Потому что брошь - это метка. А метка в нашем го-

роде - это очередь.

Она ушла. Я сидела с остывшим чаем и смотрела, как за окном туман, белый и плотный, как молоко, медленно поднимается из оврага и ползёт по улице Ленина - против ветра, заметьте. Против ветра.

В половине одиннадцатого утра, по солнцу, туман полз на запад.

Ветер дул на восток.

ГЛАВА 4. МЕЛОДИЯ

Весь день я честно просидела в номере. Ну, почти честно. Дважды я подходила к окну, и один раз - ровно один раз - спустилась во двор, чтобы забрать высохшую на ветру куртку, и постояла пять минут, глядя на ДК. Днём он был не страшный, а жалкий: облупившаяся лепнина, барельеф с рыбаком и русалкой, заколоченные окна. Фанера, как я теперь разглядела, была приколочена не снаружи. Изнутри. Кто-то заколотил окна этого ДК, сидя внутри него, как заколачивают клетку изнутри, чтобы не выпустить то, что сидит в клетке.

Я поднялась обратно и села на кровать.

Брошь я достала и разложила на ладони. Стрекоза смотрела на меня зелёным стеклянным глазом. Метка, сказала Капитолина. Очередь. Мать уехала отсюда с этой брошью в кармане и больше никогда не надевала её - я теперь вспомнила: она лежала в шкатулке, завёрнутая в ватку, отдельно от всего, как лежат вещи, которые не хочется трогать, но и выбросить нельзя.

Мама вообще не любила рассказывать про детство. На вопросы отвечала коротко: «Городок маленький, скучный, рассказывать нечего». Бабушку я не застала - та умерла до моего рождения. А про дедушку мама говорила одно: «Утонул. Не спрашивай».

В шесть вечера свет в городе действительно погас. Не моргание, не авария - просто разом, по всей улице, как выдохнули. Осталось только два огонька: тусклый, в окне Капитолиной кухни, и далеко, у плотины, красный, одинокий, как глаз.

Я зажгла свечу - они стояли в номере, на подоконнике, в жестяной банке из-под кильки. Городской сервис.

И вот тогда я услышала скрипку.

Сначала я даже не поняла, что это скрипка. Подумала - ветер в проводах. Потом - кто-то на радиоприёмнике. Звук шёл снизу, со двора, и был он тонкий, серебристый, с подвыванием на длинных нотах, и мелодия - я её знала. Я её знала. У меня внутри всё оборвалось, потому что эту мелодию я знала с шести лет, с маминой кассеты: у нас был старый магнитофон «Электроника», и кассета лежала в нём годами, зажеванная по краям, и мелодия на ней была без названия - просто скрипка, одна, без слов, три минуты двадцать секунд. Мама называла её «маминой колыбельной», хотя никакой это была не колыбельная, а вальс, медленный, осенний, с паузами, как будто скрипач каждый раз сомневается - играть дальше или хватит.

Кассету я забрала к себе в квартиру после маминых похорон. Магнитофона у меня не было, но и выбросить её я не смогла. Она до сих пор лежит у меня в ящике стола, между паспортами и свидетельствами о смерти.

А теперь этот вальс играли под моим окном. Живая

скрипка. В городе, которого нет на карте.

Я подошла к окну. Двор был пуст. Туман стоял в нём по колено, и в тумане, у самого крыльца, виднелся тёмный силуэт - высокий, в длинном пальто, с чем-то узким под мышкой. Силуэт не двигался. Просто стоял и играл - я видела, как ходит смычок, хотя звука шагов, дыхания, ничего не было, одна только музыка, которая тянулась и тянулась, как нитка из клубка.

Мелодия закончилась. Силуэт опустил смычок.

И тогда он поднял голову - я это почувствовала раньше, чем увидела, потому что глаза его были не различимы в тумане, но взгляд - взгляд был направлен точно в моё окно, точно в меня, как луч фонаря.

Не помню, как я оказалась у двери. Помню, как бежала вниз по лестнице, как толкала входную дверь - она была заперта, я крутила шпингалет ледяными пальцами. Помню, как выскочила на крыльцо.

Двор был пуст. Туман колыхался, закрываясь, как вода за камнем.

На крыльце, на верхней ступеньке, лежал бумажный листок, придавленный гильзой от патрона - настоящей, латунной, позеленевшей. Листок был вырван из школьной тетради, в линейку. На нём, печатными буквами, чёрными чернилами:

«УЕЗЖАЙ, ПОКА МОЖЕШЬ. ЭТО НЕ УГРОЗА. ЭТО ПРОСЬБА».

Ни подписи. Ни даты.

Я подняла листок. Пальцы у меня тряслись. В голове билась одна мысль, дурацкая, яркая: почерк печатный, а значит - это не Машка. А вторая мысль, ещё более дурацкая: он играл мамину колыбельную. Откуда? Кассета была одна, единственная, она лежала в моём ящике стола, и никто, никто на свете не слышал этой мелодии, кроме меня и мамы.

Кроме, выходит, того, кто её сочинил.

Наверху, в кухне за дверью с колокольчиком, звякнула посуда. Я вспомнила про Капитолину, про её «придёшь, когда стемнеет». Стемнело. Стемнело так, что дальше некуда.

Я сунула записку в карман, к броши, и пошла на колокольчик.

Дверь открылась прежде, чем я постучала. Капитолина стояла на пороге в платке и держала керосиновую лампу, и свет лампы делал её лицо похожим на икону - тёмным, строгим, с глубокими тенями у глаз.

- Слышала, - сказала она. Это не был вопрос.

- Вы знали, что он придёт?

- Я знала, что он играет, когда выбирает, - Капитолина посторонилась, пропуская меня. - Заходи, девочка. Сейчас я тебе всё расскажу. Чай пить будешь?

- Буду, - сказала я. - С чем-нибудь покрепче.

- С чем-нибудь покрепче у нас только рассол, - сказала Капитолина и вдруг усмехнулась, и усмешка у неё вышла такой же тёмной, как и всё в этом городе. - Садись. История

длинная. Начать придётся с самого начала. С тысяча девятьсот девяносто шестого года, с одной свадьбы, которая не состоялась.

ГЛАВА 5. РОДИНКА

Капитолина рассказывала, а я пила чай с чабрецом и смотрела, как за окном туман поднимается всё выше, к самому второму этажу.

- Город наш стоит на воде, - начала она. - Не на реке - на ключах. Под землёй тут целая сеть, ходы, жилы, и вода в них чёрная от торфа и от старости. Кто копал колодцы в старину, тот знал: копать надо с молитвой, а если из ямы потянет сладким - засыпай обратно и беги. Сладкое - это значит, внизу не просто вода. Внизу Колодец. Так его звали всегда, с большой буквы, один на весь город, хотя на поверхности его никто и не видел.

- Что это такое - Колодец? - спросила я.

- Дыра, - сказала Капитолина. - Дыра в мире, через которую сквозит. Сквозняк этот люди чувят, кто родом отсюда: тоска находит, сны дурные снятся, а у баб - метки. Родинки над ключицей, слева, серые, как печальная вода. Родовые метки. Говорят, что у кого метка - тот Колодцу интересен, как зайцу лиса.

Чашка в моей руке стала обжигающей. Родинка у меня была. Серая, над ключицей, слева, я её всю жизнь считала просто родинкой. У Машки была такая же. У мамы - такая же. Я помню, как мама закрашивала её тональным кремом перед редкими праздниками. Будто прятала.

- В девяносто шестом, - продолжала Капитолина, - жил у нас скрипач. Илья Чернов, из старых, коренных. Красивый был, чёрный, как цыган, и скрипка у него пела так, что бабы в зале плакали. Любил он нашу Настю Соколову, и она его любила. Свадьбу сыграли в сентябре, девятнадцатого числа - у нас тогда ещё и церковь была, и батюшка. За день до свадьбы Настя пропала.

Капитолина помолчала, поправила лампу.

- Искали всем городом. Трое суток. Нашли на краю оврага - платье свадебное висит на сучке, а самой нет. И следов нет. Туман тогда, помню, стоял до крыш. Илья с ума сходил, не ел, не спал, ходил по оврагу и звал её по имени. А через месяц, на ноябрьские, ушёл в туман сам. Видели: шёл прямо, не оглядываясь, со скрипкой в руке. Кричали ему - не обернулся.

- И что дальше?

- А дальше начались невесты, - сказала Капитолина просто. - Каждые семь лет, в сентябре, город отдаёт одну. Выбирают её не люди - метка выбирает, сама. У кого метка посерела, у кого сны начались, у кого скрипку по ночам слышно. Девушка слышит, идёт на звук, и больше её никто не видит. В восемьдесят девятом твоя мать была следующей по всем приметам - метка, сны, всё как полагается. Но она уехала. Сбежала, если хочешь. Единственная за всю историю города, кто услышал и не пошёл. Брошь мою надела, чемодан собрала - и в ночь, на попутках. Я ей эту брошь как оберег давала,

потому что серебро Колодец не любит, старое серебро.

- Подождите, - сказала я. - В восемьдесят девятом. Но невесты же каждые семь лет. Значит, до мамы была одна, а после... после была свадьба Ильи и Насти. Девяносто шестой. Это что, не считается?

Капитолина посмотрела на меня.

- Считается, - сказала она. - Настя и была невестой девяносто шестого года. Только никто этого не понял, пока не стало поздно. Мы думали - любовь, свадьба. А Колодец думал иначе. Илья хотел её спасти. Понимаешь? Пошёл за ней в туман, отдал себя вместо неё, - она помолчала. - И с тех пор он ходит. Люди зовут его Женихом. Говорят - маньяк. Говорят - это он уводит девушек. Милиция дело заводила трижды, и все три дела закрыли: нет тела, нет следов, нет мотива. Какой мотив у того, кого нет?

- А он есть? - спросила я. - Он существует?

- Ночью он играл под твоим окном, - сказала Капитолина.
- Как ты думаешь?

Я молчала. В груди у меня было пусто и гулко, как в бочке.

- Маша, - сказала я наконец. - Моя сестра. Она жила у вас. У неё была метка.

- Была, - сказала Капитолина тихо. - Серела у неё метка, я видела, когда она мылась. Я ей говорила - уезжай. Она сказала: «Я за этим и приехала». Искала чего-то в старых бумагах, в архиве при библиотеке. А потом, в октябре, ушла. Ночью. Я проснулась - постель холодная, окно открыто. На

подоконнике записка: «Спасибо за всё. Так надо».

Так надо. Три слова, как у меня в кармане. Так надо.

- А почему город отдаёт невест? - спросила я. - Кто это решил?

Капитолина встала. Подошла к полке, достала оттуда жестяную коробку из-под монпансье, поставила передо мной.

- Потому что в тысяча девятьсот шестьдесят восьмом, - сказала она, - трое уважаемых людей города Чёрные Ключи решили, что благополучие стоит одну человеческую жизнь каждые семь лет. И записали это решение. В книгу. Под подписями.

Она открыла коробку. Внутри лежала фотография - чёрно-белая, глянцевая, с загнутыми уголками. На ней стояли трое мужчин у крыльца с колоннами, и солнце на снимке было такое белое, что лица двоих почти стёрло. Третье лицо уцелело. Я узнала его сразу: старик в тёмном пальто проехал утром мимо гостиницы в чёрной «Волге», и его портрет висел в холле, с табличкой «Суханов Ф.И. - почётный гражданин».

- Это Фёдор Суханов, - сказала Капитолина. - Сейчас ему за восемьдесят, а на снимке вон какой молодой, из старейшин. Рядом с ним - те, кого уже нет. А книга их, где записана сделка, до сих пор жива. И Фёдор Игнатьич жив. И город наш, сама видишь, живёт - ни один завод не работал почти тридцать лет, а дома стоят, огни горят, и хлеб в магазине свежий каждый день. Откуда, как думаешь?

Я не ответила. Я смотрела на фотографию.

- А теперь, - сказала Капитолина и достала из-под стола старую газетную подшивку, - посмотри сюда. Это вырезки про всех невест. Я их собирала сама, с семидесятых. Смотри внимательно, девочка. На лица смотри.

Я смотрела. Фотографии были плохие, газетные, но разглядеть можно было: девушки, молодые, разные. Светлые, тёмные, с косами, с каре. И у всех, у всех без исключения, если присмотреться, - серые глаза. И маленькая родинка над левой ключицей, которую в жизни никто бы не заметил, а на этих выцветших снимках она проступала, как печать.

На последнем снимке, двухлетней давности, из районки, улыбалась Машка. Моя сестра. Серые глаза, ямочка на щеке.

Подпись под фото гласила: «Мария Верес, 23 года. Пропала без вести».

А под ней карандашом, тонкой аккуратной рукой, было дописано одно слово:

«Выбрана».

ГЛАВА 6. ТУМАН ЗНАЕТ ИМЯ

Утро началось с того, что пазик не пришёл.

Женщина из справочной - та самая, с амбарной книгой, - позвонила сама. «Колян заболел, - сказала она. - Неделю не будет». Я спросила про деда Витю. «Витя в район уехал, вернётся к пятнице». Пятница маячила через два дня.

Я положила трубку и пошла в архив.

Библиотека в Чёрных Ключах занимала первый этаж бывшего народного училища. Библиотекарша, женщина лет пятидесяти с усталым лицом и бейджиком «Галина Петровна», встретила меня без удивления.

- Верес? - спросила она, прежде чем я открыла рот. - Я вас ждала. Капитолина Марковна предупредила. Подшивки краеведческая - в читальном зале, стеллаж семь. Только руки помойте, у нас фонды старые, бумага больная.

Читальный зал был один стол на шестерых, и за ним я провела весь день: читала районку «Ключевской рабочий» с семьдесят четвёртого года по наши дни, и город раскрывался передо мной, как старая медицинская карта, - с болячками и рецидивами.

Завод ЖБИ. ГЭС. Дом культуры. Свадьбы, юбилеи, надои. И - раз в семь лет, всегда в сентябре, всегда между строк, всегда маленьким шрифтом на третьей полосе: «ушла из дома и не вернулась», «поиски продолжаются», «просьба ко

всем, кто располагает информацией». Семьдесят четвёртый. Восемьдесят первый. Восемьдесят девятый - тут заметка была крупнее, потому что в восемьдесят девятом искали мою мать. Искали три дня, а потом написали: «Выяснилось, что гражданка В. выехала за пределы района». И всё. Ни слова больше. Будто редакции позвонили и попросили не развивать.

Девяносто шестой - Настя Соколова. Две тысячи третий - Оля Круглова, двадцать лет. Две тысячи десятый - Дина Юсупова, девятнадцать. Две тысячи семнадцатый - Света Мальцева, двадцать три. Две тысячи двадцать четвёртый - Маша.

Семь имён за пятьдесят лет. Я выписывала их в блокнот, и рука у меня была мокрая от пота, хотя в читальном зале стоял холод.

Все семеро - местные. Все - сероглазые, если верить немногим сохранившимся фотографиям. И у всех, у всех - родинка над левой ключицей. В двух старых заметках упоминалась «примета: родимое пятно на шее слева». В заметке про Машку примет не было вообще. Машкину заметку, похоже, правили уже после печати: буквы прыгали, строчки съезжали, а фраза «имеет особые приметы» обрывалась на полуслове.

В шесть вечера Галина Петровна тронула меня за плечо.
- Закрываемся, - сказала она. - Девушка. Вы же понимаете, что читаете?
- Понимаю.

- Тогда вот вам совет. Бесплатный, библиотечный. - Она помолчала, оглянувшись на пустой зал и добавила тише: - Книга, которую вы ищете, у нас не хранится. Её забрали в тридцать восьмом, когда закрывали церковный приход. Но осталась опись. В описи - описание. Если хотите, покажу завтра. А сегодня идите домой и закройте дверь. И не подходите к окну, что бы ни играли.

- Вы тоже слышали? - спросила я.

- Я тут родилась, - сказала Галина Петровна. - У нас все слышат. Просто не все разговаривают.

Домой я шла в сумерках. Свернула с Ленина на Заречную, посмотреть на мамин дом, и на мосту через старицу поняла, что иду не одна.

Шагов за спиной не было. Было другое - внимание. Знаете, как бывает: смотришь в тёмный подъезд и кожей чувствуешь, что там кто-то есть. Здесь было так же, только подъездом был весь город.

Я остановилась. Остановилось и внимание.

- Кто там? - спросила я. Голос мой прозвучал жалко, пискляво, по-детски.

Я пошла дальше. На середине моста внимание вдруг пропало, как выключенное, и в ту же секунду я услышала скрипку - снизу, со стороны оврага. Три ноты. Пауза. Ещё три.

Мамина колыбельная.

Я побежала. Бежала до самой гостиницы, с чемоданом, который оставила на крыльце, и сердце у меня колотилось где-

то в горле. Влетела в холл, захлопнула дверь, привалилась к ней спиной.

В холле горела лампа под зелёным абажуром. На диване, в тени, кто-то сидел.

Я взвизгнула.

- Простите, - сказал человек на диване и встал. Это был старик - тот самый, с фотографии, только вблизи: высокий, сухой, в тёмном пальто, с тростью красного дерева. Лицо вырезано из старого дерева тоже - морщины глубокие, губы тонкие, глаза светлые, водянистые, очень живые. - Не хотел вас напугать. Фёдор Игнатьевич Суханов. Местный, так сказать, житель. Вы новая постоялица?

- А... да. Алиса Верес.

- Верес, - повторил он. Вкус этого слова он распробовал, как конфету. - Замечательно. У нас редко бывают гости. Что привело вас в наши края, Алиса?

- Краеведение, - сказала я первое, что пришло в голову. - Работаю над статьёй о малых городах.

- Статьёй, - он кивнул. - Городок у нас тихий. Материала немного. Разве что старые легенды, но легенды наши скучные, поверьте. Скука - главное свойство провинции, это ещё Чехов подметил.

Он смотрел на меня, и я поняла: он ждёт. Ждёт, что я спрошу про Машку. Про брошь. Про то, зачем я здесь.

- А что за легенда про овраг? - спросила я. - Про Жениха.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.